

■ Соловьев С. А.,
адвокат, управляющий партнер
Адвокатского бюро
«СОСЛОВИЕ» (г. Москва),
аспирант кафедры уголовно-
процессуального права
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

Механическое уравнивание прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) как отрицательная тенденция в развитии отечественного уголовного процесса

Вопросы соотношения прав потерпевшего, жертвы общественно-опасного деяния и обвиняемого (подозреваемого)¹ в теории и практике уголовного процесса являются, по-своему, вечными вопросами, а «ответы» на них, данные законодателем в виде уголовно-процессуальных норм в действующем законодательстве, позволяют ученым и практикам формулировать из них противоположные друг другу выводы, начиная от сущности уголовно-процессуальной политики российского государства на современном этапе² и заканчивая противоречивыми анализами достаточности или недостаточности защищенности прав и свобод потерпевшего и обвиняемого в отечественном уголовном судопроизводстве³.

¹ Далее для краткости в статье будет употребляться только слово «обвиняемый», в котором будут объединены и подозреваемый, и подсудимый, и осужденный, и оправданный, т. к. в работе не поднимаются вопросы анализа указанных процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства.

² Овчинников Ю. Г. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: сущность и ее реализация в досудебном производстве // Библиотека Криминалиста. Научный журнал. № 5 (28). 2016. М.: Юрлитинформ. 2016. С. 55–66.

³ См. подробнее: Артамонова Е. А. Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 47–50; Бойко А. И. О Золушке уголовного правосудия замолвите слово // Южнороссийский адвокат. 2005. № 4; Лутинская П. А. Высокое

При этом стоит отметить, что и «радетели» защиты прав потерпевших и их процессуальные оппоненты, защищающие права обвиняемого, очень часто начинают обоснование своих выводов со ссылки на ст. 2 Конституции РФ, устанавливающей в виде высшей ценности в государстве — человека и его права и свободы, а в качестве обязанности государства — его деятельность по признанию, соблюдению и защите этих прав и свобод человека и гражданина¹, т. е. первичное нормативное обоснование своей позиции у двух непримиримых противников является одним и тем же. Этот факт заставляет проанализировать это положение Конституции РФ во взаимосвязи с существом уголовного процесса, предлагаемым различными учеными-процессуалистами. Так, проф. В. В. Вандышев рассматривал уголовный процесс в качестве «надлежащей юридической формы, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для наступления уголовной ответственности за совершение преступления»². Профессор П. А. Лупинская определяла уголовный процесс как движение (деятельность), **связанное с уголовным преследованием (выд. — С. С.)**, судебным разбирательством³, что перекликается

политическое значение уголовного судопроизводства // LexRussica. Научные труды МГЮА. 2008. № 2; *Гладышева О. В.* Обеспечение законных интересов и прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 686–691; *Ибрагимов И. М.* Концептуальные проблемы законодательного расширения правомерных возможностей защиты прав потерпевшего // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 52–56; *Васяев А. А.* Разъяснение и обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого — обязанность следователя, дознавателя, прокурора, суда // Современное право. 2011. № 5. С. 119–122; *Дикарев И. С.* Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе // Государство и право. 2010. № 8. С. 55–62.

¹ См. подробнее: *Бойков А. Д.* Судебная реформа: обретение и просчеты // Государство и право. 1994. № 6. С. 13–22; *Мальшева О. А.* О некоторых концептуальных положениях современной уголовно-процессуальной политики (до-судебное производство) // Российский следователь. 2008. № 6. С. 18–20; *Азаров В. А.* Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в России // Вестник Омского университета. Серия Право. 2012. № 1. С. 103–109.

² *Вандышев В. В.* Уголовный процесс. Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. С. 25.

³ Уголовно-процессуальное право РФ: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М. 2010. С. 25.

с пониманием уголовного процесса, обозначенного в «Курсе уголовного процесса» под редакцией проф. Л. В. Головки в качестве динамической уголовно-процессуальной деятельности, благодаря которой уголовное дело движется из стадии в стадию, каждая из которых приближает участников к окончательному разрешению вопросов материального уголовного права о преступлении и наказании¹.

Таким образом, сущность уголовного процесса в основе своей связана именно с уголовным преследованием лиц, совершивших общественно-опасное деяние, т. е. с публично-правовой деятельностью государства. Из этого с очевидностью следует, что государство, принимая на себя в соответствии со ст. 2 Конституции РФ обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина при отправлении уголовного судопроизводства, в первую очередь, в конструкции уголовно-процессуальных норм должно быть сориентировано на регламентацию и обеспечение гарантий прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Это обусловлено самой логикой фактического начала уголовно-процессуальной деятельности, старт которой дается уже оставшимся в прошлом преступлением, нарушившим права и свободы жертвы этого преступления и свидетельствующим о невыполнении своего конституционного обязательства государством по отношению к потерпевшему.

В этой связи автор не разделяет позиции некоторых процессуалистов, которые рассматривают права обвиняемого как интересы отдельной личности (частные интересы), ставя в противовес им государственные (общественные) интересы, к которым ими относятся в том числе интересы потерпевшего по уголовному делу². Стоит частично согласиться с позицией А. С. Барабаша, указавшего, что публичное начало как объективное основание определяющее природу российского уголовного процесса включает в себя защиту законных интересов **всех (выд. — С. С.)** лиц, участвующих в уголовном процессе³. Частичность согласия заключается именно в том, что защитить уже нарушенные свершившимся преступлением права потер-

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М.: Статут. 2016. С. 34.

² Азаров В. А. Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в России. С. 103.

³ Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 78–93.

певшего нормами уголовно-процессуального закона невозможно (можно лишь путем уголовного судопроизводства попытаться восстановить, насколько это реально, нарушенные права, возместить причиненный ущерб, вред), а вот не допустить нарушения прав и свобод лиц, в отношении которых государство выполняет свою публично-правовую функцию по привлечению их в качестве обвиняемых по конкретному уголовному делу (которое, к слову сказать, может и не иметь реальной фигуры потерпевшего, что, в свою очередь, не препятствует реализации государством своих публичных задач по привлечению лица к уголовной ответственности), есть прямая и непосредственная обязанность государства в рамках реализации своих обязательств, предусмотренных ст. 2 Конституции РФ.

В этой связи становится очевидным, что первичным и именно публичным назначением уголовного судопроизводства применительно к конституционному положению, предусмотренному ст. 2 Конституции РФ, является именно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), тогда как процедуры восстановления или компенсации нарушенных прав и свобод потерпевшего от преступления, что является как раз частным интересом в уголовном судопроизводстве, должны регламентироваться иными нормативными актами, закрепляющими ответственность именно государства как стороны в общественном договоре, ненадлежащим образом исполнившей свои обязательства по защите прав и свобод человека и гражданина, ставшего жертвой общественно-опасного деяния.

В уголовно-процессуальной теории есть мнение, наиболее ярко сформулированное А. С. Барабашом и А. А. Брестером, что такое понятийное смешение в оценке сущности и первоначала отечественного уголовного процесса, исторически примкнувшего к романо-германской (континентальной) правовой семье¹, обусловлено введением «инородного», деструктивного фактора — состязательности, позволившего многим авторам встать на позицию о состязательном характере российского уголовного процесса². На взгляд

¹ *Лазарев В. В.* Проблемы общей теории *jus*: Учебник для магистрантов юридических вузов / Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х.; Отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 608.

² *Барабаш А. С., Брестер А. А.* Метод российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. С. 21.

автора здесь есть известное смешение теплого с твердым: общего характера уголовного судопроизводства и одного из способов его реализации. Однако стоит согласиться с тем доводом, что безапелляционное признание за состязательностью сквозного характера ее действия на всех этапах смешанного по своему строению уголовного процесса создает и будет создавать механизмы, способствующие крайней неустойчивости уголовно-процессуального законодательства в России, а равно влиять на формирование противоречивого правоприменения и зарождение взаимоисключающих теоретических парадигм, при применении в их обосновании одних и тех же уголовно-процессуальных и конституционных норм.

Именно этим объясняется законотворческая тенденция, крайне ярко проявившаяся в современном уголовно-процессуальном законодательстве России и заключающаяся в механическом выравнивании процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого в уголовном судопроизводстве без какого-либо анализа формы (типа) построения уголовного судопроизводства в России.

Так, в частности с 2007 по 2015 гг. права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, подвергались законодательному расширению 5 раз. Большую роль в этой «законодательной инфляции»¹ сыграл и КС РФ, который своими решениями задал соответствующий вектор законодательных изменений прав потерпевшего, выравнивающего по средствам действия этого процессуального участника с обвиняемым², без учета субсидиарной роли процессуальной фигуры потерпевшего в публичной по своей сути уголовно-процессуальной деятельности. В ряде случаев решения КС РФ становились фактически новыми источниками уголовно-процессуального законодательства, т.к. правовое толкование, заложенное в них, являлось уже не оценкой конституционности той или иной уголовно-процессуальной нормы, а позволяло расширительно толковать установленные УПК РФ положения, закрепляющие права потерпевшего как стороны в процессе. Так, в частно-

¹ Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа. 2016. С. V.

² См. п. 3 Определения КС РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О, п. 3–4 Постановления КС РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П; п. 2.2, 6 Постановления КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П, п. 3 резолютивной части Определения КС РФ от 4 ноября 2004 г. № 300-О.

сти, установленное п. 11 ч. 4 ст. 46 и п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ право подозреваемого и обвиняемого защищаться любыми способами и средствами, не запрещенными законом до 2004 года, относилось специалистами к проявлению принципа благоприятствования защите («*favordefensionis*»), в то время как права потерпевшего были строго регламентированы ст. 42 УПК РФ. КС РФ в своем определении от 4 ноября 2004 г. № 430-О фактически закрепил и за потерпевшим такие же права, так как иное, по мнению КС РФ, означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством¹.

На наш взгляд, таким подходом КС РФ фактически выступил адвокатом государства, дистанцировав его конституционную ответственность за необеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина и, освободив государство от необходимости соблюдения конституционного правила, предусмотренного ст. 52 Конституции РФ, переложив умаление чести и достоинства жертвы исключительно на действия виновного лица. Однако стоит отметить, что реализация прав потерпевшего в той концепции, которая постулируется КС РФ в своих решениях, имеет место в большинстве своем на тех стадиях уголовного судопроизводства, когда надлежащего виновного, обозначенного вступившим в законную силу приговором суда, еще не существует. При таких обстоятельствах реализация потерпевшим своих прав есть подмена публичного интереса в уголовном судопроизводстве частным интересом, пропагандируя и процессуально необоснованно лелея который, происходит самоустранение государства от своих публичных функций, на смену которых приходит фактически древнеримский принцип талиона.

Стоит согласиться с теми учеными, которые оценивая такие изменения в архитектонике отечественного уголовного процесса, предусматривающие «расширение пределов дифференциации уголовно-процессуальной формы в сторону усиления частных начал», говорят о построении «абсолютно нехарактерной для российского государства модели уголовного процесса»². Государство, активизируя такими процессуальными средствами процедурные полномочия

¹ В контексте постановлений КС РФ № 7-П от 24 апреля 2003 г. и № 18-П от 8 декабря 2003 г.

² Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа. 2016. С. VI.

потерпевшего, фактически складывает с себя публично-правовые обязанности по возбуждению дела, расследованию и раскрытию преступления, установлению лица, его совершившего, и доказыванию достоверной причастности этого лица к совершению конкретного общественно-опасного деяния, подменяя, тем самым, публично-правовую сущность своих обязанностей искусственным гипертрофированием процессуальных возможностей потерпевшего, и ставя, таким образом, уголовное преследование в зависимость от желания потерпевшего, что противоречит сложившейся модели уголовного судопроизводства в России и открывает «возможности торга во-круг предъявленного обвинения и принуждения к отказу от него»¹.

В этой связи уголовно-процессуальное право Германии куда более точно устанавливает взаимоотношения потерпевшего с публичными органами правоприменительной власти, разрешая потерпевшему присоединиться к публичному обвинению, выдвинутому прокуратурой². Немецкий законодатель, последовательно отстаивая монополию государства на уголовное преследование, своим таким разрешением предлагает потерпевшему компенсацию за невозможность предъявления частного обвинения в адрес потенциального виновного в совершении против того преступления, а равно реализует полномочие потерпевшего проследить активность публичных правоприменительных органов по ведению дела, т. к. именно этот потерпевший был инициатором выдвижения прокурором публичного обвинения³.

Стоит заметить, что такой подход обусловлен не желанием достижения немецкими процессуалистами некоей мнимой состязательности, а проистекает из точно сформулированного публичного начала построения уголовно-процессуального законодательства Германии, в которой даже права потерпевшего подчинены его первоначальному — публичности.

В нашем же случае внедрение в ткань уголовного процесса механического процессуального равноправия потерпевшего и обвиняемого размывают как единую для уголовного судопроизводства публичную природу уголовно-процессуальных правоотношений, так и не отвечают разности интересов в уголовном судопроизводстве

¹ Уголовно-процессуальное право Германии. Strafprozessrecht / Пер. с нем. / Фридрих-Кристиан Шредер [и др.] 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 38–39.

² Там же. С. 247–248.

³ Там же.

обвиняемого и потерпевшего. Попытка предъявить частный интерес потерпевшего в качестве государственного (общественного) интереса направлена исключительно на завуалирование первичной ответственности государства.

При этом совершенно упускается из виду, что восстановление прав и законных интересов потерпевшего возможно исключительно через качественную процессуальную работу публичных правоприменительных органов и совершенно не зависит от обвиняемого по делу и реализации им его прав в рамках уголовного судопроизводства. В этой связи права потерпевшего должны находиться не в состоянии соревнования с правами обвиняемого, а должны быть направлены на формирование средств воздействия именно на органы власти, обязанные по своему должностному статусу максимально быстро раскрыть преступление, установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, и обеспечить направление дела в суд для рассмотрения по существу, что совершенно явственно следует из требований ст. 52 Конституции РФ. Совершенно очевидно, что основными проблемами для реализации права потерпевшего на доступ к правосудию является не широкие процессуальные возможности обвиняемого для реализации своего интереса по защите от предъявленного обвинения, а слабая и некачественная работа правоохранителей, не сумевших быстро и процессуально безупречно раскрыть совершенное преступление.

Представим себе ситуацию, при которой потерпевший будет категорически не согласен с привлечением конкретного лица к уголовной ответственности, в то время как уполномоченные органы будут убеждены в правильности привлечения этого лица в качестве обвиняемого. Обязанностей правоохранителей убеждать потерпевшего в обоснованности своих действий уголовно-процессуальный кодекс не содержит, мнение потерпевшего в такой ситуации никакого право-обязательного значения иметь также не будет. Полномочия государственного обвинителя, предусмотренные ч. 7 ст. 246 УПК РФ и предусматривающие возможность не взирая на мнение потерпевшего отказаться от обвинения полностью или в части, являются безусловным подтверждением вышеприведенного довода. Спросите у любого потерпевшего, что ему важнее — возвращение в целостности и сохранности украденного у него набора серебряных ложек или право на ознакомление со всеми материалами уголовного

дела при отсутствии либо фактической, либо материальной компенсации похищенного — и мы поймем, что «ложки» всегда будут важнее его процедурных возможностей.

А в отношении обвиняемого будет прямо противоположная история: его право на защиту от возможного произвола профессионального, мощного, обеспеченного всеми силами и властью государства обвинения только и зиждется на тех процессуальных правомочиях, которые закреплены в уголовно-процессуальном законе, и другого способа защиты у него не существует. Поэтому простое уравнивание прав потерпевшего и обвиняемого в розыском по своей сути уголовном судопроизводстве, основанном на публичном начале, ничего не дает в плане защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, но существенно снижает гарантии защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения её прав и свобод, так как привносит в сферу публично-правовой обязанности государства частный интерес потерпевшего, не связанный никакими обязательствами согласия с той уголовно-правовой претензией конкретному лицу, которую сформулировало государство во исполнение своей публично-правовой функции по уголовному преследованию, что создает дуализм в объемах и существе такой претензии, а, следовательно, нарушает право обвиняемого на защиту.

■ Стольников П. М.,
адъюнкт, Орловский юридический
институт МВД России
им. В. В. Лукьянова

Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль в российском уголовном судопроизводстве

К наиболее значимым положениям отечественного уголовно-процессуального законодательства с полным основанием можно отнести норму, закрепляющую процессуальную самостоятельность следователя. Однако это же положение является одним из самых дискуссионных в науке и проблемных на практике.